

М. Г. АЛЬТШУЛЛЕР

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РАДИЩЕВА
В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Свои взгляды на развитие русского стиха и задачи русской поэзии Радищев сформулировал на трех страницах главы «Тверь» «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) и уточнил их в трактате «Памятник дактилохореическому витязю» (ок. 1801). Следовал он им и в своей литературной практике.

Основные положения Радищева могут быть сведены к следующему: 1. В поэзии следует употреблять различные стихотворные размеры (кроме ямбов — хорей, дактиль, гекзаметр). Поэтому заслуживает внимания и опыт Тредиаковского в «Тилемахиде». 2. Такие различные размеры могут быть употребляемы и в одном стихотворном произведении (в том числе в эпической поэме). 3. Рифма для стиха сугубо не обязательна. Постоянное употребление ее есть лишь результат бездумного подражания французам.

Размышления о полном соответствии формы и содержания произведения приводят Радищева к некоторым важным и далеко идущим выводам. Не отрицая в принципе гладкости и гармонии как достоинств поэтического произведения, Радищев не считает их абсолютными. Стих может быть «тут и труден на изречение», если этого требуют художественные задачи.¹

Проповедуемый поэтикой классицизма принцип максимальной ясности, четкости изложения не является для Радищева безусловным. Стихотворца в главе «Тверь» обвиняют, что смысл в стихах оды «Вольность» неясен. Не вдаваясь в подробный анализ литературного и политического контекста этого места «Путешествия», отметим, что стихотворец, автор оды, не считает неясность препятствием к напечатанию «Вольности». Сам Радищев в своей поэтической практике наряду с прозрачными стихами, вроде «Сафических строф» или «Песни», создавал сложные философские про-

¹ См.: *Макогоненко Г. П.* Поэзия Александра Радищева. — В кн.: *Радищев А. Н.* Стихотворения. Л., 1953 (Б-ка поэта. Малая серия), с. 37—40; *Кулакова Л. И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 326—327.

изведения («Осмнадцатое столетие», «Ода к другу моему»), проблематика которых выражалась в сложном, запутанном, намеренно затрудненном и затемненном стихе.

Продолжая и развивая некоторые положения Тредиаковского, имя которого часто встречается в размышлениях Радищева, автор «Путешествия» уже в 1780-х гг. сформулировал те идеи, актуальность которых стала очевидна лишь в начале следующего столетия, так как в это время начинается отход от карамзинской сентиментальной поэтической и, шире, вообще литературной системы. В истории искусства борьба с господствующими взглядами обычно ведет к обращению за помощью к устаревшим, в свое время отвергнутым или забытым системам. Происходит не воскрешение их, а использование каких-то фактов, явлений, мнений по-новому и в новых условиях. «Искусство живет на основе сплетения и противопоставления своих традиций, развивая и видоизменяя их по принципам контраста, пародирования, смещения, сдвига».² Такой контрастный сдвиг произошел в сознании некоторых литературных групп в 1800—1810-е гг.

Хотя книга Радищева была запрещена правительством, изъять ее из обращения так и не удалось, не удалось и вытравить из памяти современников и ближайших потомков облик оригинального мыслителя, прозаика и поэта. Отталкиваясь от карамзинских норм, литературные деятели обращались и к идеям, сформулированным Радищевым на полтора-два десятилетия раньше. Изучение литературной жизни 1800-х гг. показывает, что не столько политические, сколько именно литературные взгляды Радищева привлекали внимание определенных литературных кругов и живо в этих кругах воспринимались.

Настоящая работа и ставит своей целью показать взаимосвязи некоторых писателей и литературных групп этого периода с Радищевым.

Г. Радищев и Бобров

Говоря о роли литературных взглядов Радищева и его творчества в культурной жизни 1800—1810-х гг., прежде всего следует остановиться на отношениях Радищева и Боброва. Творчество Боброва для конца XVIII—начала XIX в. было важным и принципиальным явлением, не случайно вызвавшим в 1800-е гг. ожесточенную полемику.³ В то же время Бобров был единственным из современных писателей, которого Радищев оценивал безусловно

² Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969, с. 55.

³ Альгишуллер М. Г. С. С. Бобров и русская поэзия конца XVIII—начала XIX в. — В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. XVIII век, сб. 6. М.—Л., 1964.

положительно.⁴ Наконец, Радищев и Бобров были лично знакомы. Однако до сих пор этой теме уделялось лишь несколько страниц в работах, посвященных другим проблемам.⁵

Радищев был старше Боброва лет на 15. Они могли познакомиться в 1787 г., когда 24-летний Бобров был «определен в канцелярию Сената к герольдмейстерским делам» и переехал в Петербург,⁶ где примкнул к «Обществу Друзей словесных наук». Как установлено Д. С. Бабкиным, Общество было основано в 1784 г. М. И. Антоновским.⁷ Однако, судя по тому, что лишь в 1786 г. была составлена «Пояснительная записка», в которой вновь определялись права и обязанности членов Общества,⁸ можно полагать, что около этого времени оно и начало свою деятельность. В апреле 1785 г. Антоновский писал Державину, что Общество собирается «пуститься в свет со своими изданиями».⁹ Все это хорошо согласуется и с рассказом, и с биографией С. А. Тучкова, который в 1785 г. был принят в члены «Московского вольного российского собрания, пекущегося о распространении книг», и печатался в его журнале «Покоящийся трудолюбец», а затем, переехав в Петербург, стал членом «Общества Друзей словесных наук».¹⁰

Бобров, естественно, переселившись в Петербург, тоже примкнул к Обществу, глава которого М. И. Антоновский был в студенческие годы председателем московского «Общества университетских питомцев», членом которого Бобров являлся в пору своей учебы в Московском университете. Вполне вероятно, что и Радищев вступил в Общество в эти годы, когда оно набирало силу, и его знакомство с молодым поэтом могло состояться в 1787 г.

Бобров деятельно участвовал в журнале Общества «Беседующий гражданин», и в том же декабрьском номере за 1789 г., где помещена статья Радищева «Беседа о том, что есть сын отечества», напечатано стихотворение Боброва «Ночное размышление».

В 1790 г. Радищев был арестован и сослан. В 1792 г., можно думать, в связи со злобными событиями начала 90-х гг. (процессы Радищева и Новикова, а Бобров был связан и лично знаком и с тем и с другим) покидает Петербург и Бобров.¹¹

⁴ Кулакова Л. И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, с. 322.

⁵ Семенников В. П. Литературно-общественный круг Радищева. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 240. Наиболее полно вопрос об отношениях Радищева и Боброва в связи с поэмой «Бова» разработан в статье: Алексеев М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова». — В кн.: Радищев, Л., 1950, с. 171—173, 185—194. В дальнейшем: Алексеев М. П.

⁶ Поэты 1790—1810-х гг. Л., 1971 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 68.

⁷ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев. М.—Л., 1966, с. 134 и сл.

⁸ Там же, с. 301—308.

⁹ Державин Г. Р. Соч., т. 5. СПб., 1876, с. 476.

¹⁰ Тучков С. А. Записки. СПб., 1908, с. 19—20.

¹¹ Альтшуллер М. Г. С. С. Бобров и русская поэзия..., с. 228—229.

В 1798 г. в Николаеве вышла поэма Боброва «Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе, лирико-эпическое стихотворение». В это время Радищев жил в селе Немцово. Около 1799 г. он начал писать поэму «Бова», в первой песне которой дважды и панегирически упоминается Бобров. Учитывая, с каким опозданием до Радищева должно было прийти известие о книге, вышедшей в Николаеве, как сложно было эту книгу выписать (а уже в следующем, 1799, году он ее вспоминает), мы с достаточной долей вероятности можем предположить, что Бобров сам послал немцовскому пленнику свое сочинение.

В пользу нашего предположения говорят и следующие обстоятельства. М. П. Алексеев в работе о «Бове» отметил сходство стихотворения Боброва «Стансы на учреждение корабельных и штурманских училищ» (написано в 1798 г., опубликовано лишь в 1804 г.) со стихами Радищева во введении к «Бове».¹² Еще более важным является следующий факт. В «Бове» Радищева говорится, что могила Овидия находится в устье Дуная. Никаких сведений в печати по этому поводу к 1799 г. не появилось. Известное специалистам сообщение инженера Ф. П. Деволана вряд ли могло, как справедливо отмечает М. П. Алексеев, дойти до ссыльного Радищева. Вместе с тем в стихотворении Боброва «Баллада. Могила Овидия, славного любимца муз», написанном до 1800 г., вероятно, около 1798 г. (опубликовано в 1804 г.), тоже сказано, что могила Овидия расположена в устье Дуная. Есть здесь и другие сближения, тоже отмеченные М. П. Алексеевым.¹³

Можно думать, что эти совпадения не случайны. Представляется вероятным, что Бобров посылал Радищеву и свои еще не опубликованные произведения.

Не исключено, что перед самым отъездом из Немцова Радищев снова обратился мыслью к давнему знакомцу. Существует предположение В. П. Семенникова, что в «Памятнике дактилохорейческому витязю» под Б., выражающим в литературном споре точку зрения автора, следует разуть Боброва.¹⁴

Глубокий интерес Боброва к Радищеву понятен. Он полностью разделял отрицательное отношение Радищева к рифме. «Таврида» была написана белыми стихами, а в предисловии к ней автор писал, что «рифма никогда еще не должна составлять существенной музыки в стихах».¹⁵ Близка была Боброву и радищевская идея выразительности в ущерб гармонии. Его стих действительно зачастую «туг и труден на изречение». И особенно важной была для Боброва мысль о затемненности, сложности поэтического текста. Именно за «темноту» всегда упрекали Боброва его многочисленные противники. В свою очередь понятны и восторженные от-

¹² Алексеев М. П., с. 191—192.

¹³ Там же, с. 170—173.

¹⁴ См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. II, с. 395.

¹⁵ Бобров С. Таврида, или Мой летний день в Таврическом Херсонисе. Николаев, 1798 (без пагинации).

звымы Радищева о поэте, в котором он мог видеть своего ученика.

В 1801 г. Радищев вернулся в Петербург. Около 1800 г. туда же возвратился и Бобров. Можно думать, что старые знакомые встретились, и не исключено, что взаимное общение сказалось на их произведениях, написанных в этот период.

Одним из самых замечательных стихотворений Радищева является «Осмнадцатое столетие», созданное, видимо, между 1799 и летом 1801 г. В нем подводятся итоги свершившегося в минувший век и намечается оценка грядущих событий. Ведущий его мотив — бесконечный поток времени, в котором исчезают люди, государства, века. Это представление характерно для преромантического, антипросветительского мышления. Для просветительской философии время было цикличным, а история могла двигаться по замкнутому кругу, возвращаясь, например, к античности как к некоему исходному идеальному началу. Категория времени, как форма движения истории, для просветительской мысли с ее антиисторизмом не являлась принципиальной в модели мироздания. У Радищева тема времени возникает только в разбираемом стихотворении, отражающем кризис просветительского мироощущения.

Уже в начале стихотворения автор изображает крушение корабля, «несущего надежды»: «Счастье, и добродетель, и вольность пожрал омут ярый». Вряд ли здесь, как считает Г. П. Макогоненко, идет речь о политических событиях 1799 г. (политическая коалиция против Франции, походы Суворова).¹⁶ Эта строка скорее всего характеризует общий итог, результат XVIII столетия, самым значительным событием которого была Великая французская революция. Ее внутреннюю противоречивость: свобода и якобинская диктатура, мечты о счастье людей и террор, свержение монархии и консульство Наполеона — ощущали многие мыслящие люди эпохи, и многих французская революция поразила и оттолкнула жестоким якобинским террором.¹⁷ Ужасов террора, наполеоновской диктатуры не принял и Радищев.¹⁸ Для него XVIII век — кровавое столетие. Шесть раз упоминается слово *кровь*: кровавая струя, кровь в колыбели, омоченно в крови, струи кровавые, кровь на жертвеннике и утро столетия нова тоже кроваво. Кроме того, как мы видели, сокрушены основные ценности человеческого бытия: счастье, и добродетель, и вольность.

Справедливо называя просветительский XVIII в. столетием «мысли», автор в то же время подчеркивает и слабость просветительской идеологии: «... бешенство, ярость железной ногою <...>

¹⁶ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956, с. 591. В дальнейшем: Макогоненко Г. П.

¹⁷ См.: Кочеткова Н. Д. А. Радищев. «Осмнадцатое столетие». — В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973, с. 29.

¹⁸ См.: Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966, с. 259—260.

подавляют цветы счастья и мудрости в нас». Просвещение не сумело выполнить главной своей задачи: сделать человека разумным и потому справедливым и добродетельным: «... человек претворен в люта тигра еще».

В то же время, если прошедшее столетие не выполнило своей главной задачи, то все-таки его «мысль» сумела создать ряд безусловных практических ценностей. Торжество «мысли» показано Радищевым на ряде конкретных примеров: успехи астрономии, создание паровой машины, изобретение громоотвода, воздушного шара.

Однако вряд ли можно согласиться с Карякиным и Плимаком, которые, перефразируя Кондорсэ,¹⁹ пишут, что в стихотворении разворачивается величественная «картина прогресса человеческого разума».²⁰ Радищев действительно противопоставляет хаосу, царящему в мире, Россию, во главе которой Екатерина и Петр, «вечности чада», но стихи о Петре и Екатерине и прославление «мыслей» находятся в середине стихотворения: перед ними говорится о противоречиях столетия, после них — о ярости, бешенстве, человеке — лютом тигре, кровавом утре нового столетия. Заканчиваются стихи похвалой Александру I как продолжателю деяний Петра и Екатерины. Г. П. Макогоненко показал, какие конкретные факты стоят за словами «Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона».²¹ Эта похвала молодому царю была преждевременной, и Радищев то ли не закончил стихотворения (оно обрывается красноречивым многоточием), то ли, разочаровавшись в царе, отказался от его публикации.²² Итоги XVIII в., таким образом, оказываются у Радищева достаточно пессимистическими, а прогнозы по поводу века наступающего, во всяком случае, достаточно неопределенными. Итог «оснадцатого столетия» слишком суров и сложен, чтобы можно было, с точки зрения Радищева, строить оптимистические прогнозы для века девятнадцатого.

Тематически близки к стихотворению Радищева многочисленные оды на восшествие на престол в 1801 г. Александра I. Здесь иногда встречаются ассоциации воцарения Александра с наступлением нового века:

Любезный царь — счастливый век.²³

Иногда, очень редко, авторы этих од пытаются заодно охарактеризовать прошедшее столетие, воспринимаемое ими как век ужаса, принесенного революцией:

¹⁹ Ср.: Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

²⁰ Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Запретная мысль..., с. 259.

²¹ Макогоненко Г. П., с. 592—593.

²² Там же, с. 594—595.

²³ Михайлов Иван. Жертва искреннего усердия... Александру Павловичу... 1801 года, марта 12 дня. М., 1801, с. 4. См. также: Голенищев-Кутузов П. Ода... Александру Первому... М., 1801, с. 6 и др.

Сметенье царств, наук паденье,
И реки слез, и стон людей.²⁴

В том же тематическом ряду, что и «Осмнадцатое столетие», находится небольшое количество стихотворений, написанных на рубеже XVIII—XIX вв. Их авторы пытаются подводить некоторые итоги протекшего века, которые сводятся к повторению общих мест об ужасах революции, прославлению успехов русского оружия в последние годы столетия, восхвалению императора.²⁵

Просветительская философия со всеми ее противоречиями предстает в одном из таких стихотворений как идиллическая картина дружбы мудрецов и монархов,²⁶ а в другом шуточном стихотворении, написанном еще в 1791 г., великие свершения и открытия XVIII в. (Франклин, Кук, братья Монгольфье) упоминаются для того, чтобы приравнять к ним появление денежных переводов.²⁷

Среди этих стихов нет ни одного, приближающегося к радищевскому по глубине размышлений, остроте поставленных проблем, широте изображения. Исключение составляет небольшая, состоящая из четырех стихотворений сюита Боброва на тему смены одного столетия другим: «Столетняя песнь, или Торжество осьмогонадесять века России», «К новостолетию XIX», «Запрос новому веку», «Предчувственный отзыв века».²⁸ Стихи Боброва тоже построены на противопоставлении, но оппозиция здесь иная, чем у Радищева. Характеризуя рубеж XVIII—XIX вв., Бобров пишет:

Ужасны были непогоды
Средь царств и мира и природы.

Как явствует из последующего, «мир» означает у поэта человеческое общество, противопоставленное «природе». Начало XIX в., с точки зрения Боброва, таково:

... бурная вселенна,
Крамольной бранью возмущенна,
Ложилась в мирну сень уже,
Природа встала в мятеже.
Там бездны, преступя пределы,
Глотали целые уделы...

Вулкан из Этны выступает

и т. д.

²⁴ Измайлов Вл. Стихи ... Александру Первому. М., 1801, с. 6.

²⁵ См.: Долгорукий И. М. 1799 год. — В кн.: Долгорукий И. М. Бытие сердца моего. М., 1802, с. 256; [Аноним]. Осмнадцатый век. 1800 год. — Иппокрена, или Утехи любословия на 1800 год, ч. V, с. 3—8; Невзоров М. Богу благодарственная песнь России при наступлении нового столетия. — Там же, 1801, ч. VIII, с. 3—11.

²⁶ Станевич Е. Послание к*** (Белявскому). — Собр. соч. в стихах и прозе, кн. I. СПб., 1805, с. 147 и сл.

²⁷ Ф. [Дмитриев или Карамзин?] К текущему столетию. — Моск. журн., 1791, ч. 2, с. 218—220. Ср.: Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 395, 469.

²⁸ Поэты 1790—1810-х гг., с. 91—108.

Вывод из этих строк сделан в четком, ясно сформулированном противопоставлении:

В природе бунт — мир в мире дышит...

Строки о мире в Европе на рубеже двух столетий можно было написать только после Люневильского (февраль 1801 г.) или Амьенского (март 1802 г.) мира, когда на короткое время могло показаться, что европейские войны закончились. Извержения Этны происходили в 1799, 1800 и 1802 гг.²⁹ Таким образом, стихи могли быть написаны в 1801—1802 гг., т. е. одновременно с радищевскими или несколько позже.

Итоговые размышления Боброва к началу XIX в. достаточно оптимистичны:

...мир в мире дышит.

У Радищева по-другому:

Утро столетия нова кроваво еще нам явилось.

Какова же дальнейшая судьба наступающего столетия? Ответ-пророчество на этот вопрос содержится в стихотворении, которое так и называется «Предчувственный отзыв века». Для Радищева главное достижение XVIII столетия то, что оно «творец было мысли». Для Боброва эта просветительская точка зрения, не принятая целиком Радищевым, остается единственно верной. С прославления ума начинается стихотворение:

Ум человеческий не дремлет,
Мятеся, реет, мчится вдаль...
Ум самовластный, ум державный...

И далее Бобров говорит о тех достижениях человеческого разума, какие упоминал Радищев. Так, у Радищева рассказывается об успехах астрономии:

Ты (XVIII столетие, — М. А.) исчисляешь светила,
как пастырь играющих агнцев;

... ты новые солнца воззвало;

Новы луны изо тьмы дальней воззвало пред нас.

У Боброва:

...видит он (ум, — М. А.) миры незримы,
Взор бранный странствует отважно
По отдаленным высотам,
Существенны миры находит
В эфирных чуждых областях.

Примечание Боброва раскрывает конкретный смысл этих несколько туманных строк: «Гершелевы телескопы».

Радищев пишет об опытах братьев Монгольфье:

[Ты] на воздушных крылах смертных на небо взнесло.

²⁹ Ferrara Francesco. Descrizione dell'Etna con la storia delle eruzioni e il catalogo dei prodotti. Palermo, 1818, p. 138—140.

У Боброва:

Се начинает человек
В небесной высоте дышать!
Он зноем мразы пронизает,
Он в тверди климаты пронзает,
К колесам солнечным дерзает,
Под ним *Земля* — как муравейник.

К этим строчкам дается примечание: «Здесь предметом *воздушный шар*».

Радищев восхищен умением человека XVIII столетия предсказывать пути движения комет:

Нитью вождения вспять ты призываешь комет...

О том же говорит Бобров:

Блудящий пламенный мир некий...
Сойдет в сию долину неба
И сблизится тогда с землей.

И в примечании: «Давно пишут, что в 1835 году комета будет подходить близко к шару земному».

В перечислении успехов «Оснадцатого столетия» есть у Радищева строка:

Из океана возникли новы народы и земли.^{29a}

Вероятно, здесь имеются в виду географические открытия XVIII в. У Боброва мы найдем некоторые параллели радищевской строке. Он тоже рассказывает о покорении океана человеком. Имея в виду «пробочную фуфайку» (объяснено в примечании), Бобров пишет:

... *стопа* отважна ходит
По бурной зыби, как по суше,
Без крыл, без лодии, без *чуда*.

В то же время у Боброва глаз человека проникает и в глубь океана с помощью прибора, названного в примечании «пелагоскоп» (изобретенный англичанином Коллинзом инструмент для подводных наблюдений):

.. в пучину не вступая,
Пронзает страшну даль пучины...
Там слабо *око*, оподчаясь,
Сражается со глубиною.
И *пользою* (курсив мой, — М. А.) венчает подвиг.

Таким образом, у Боброва речь идет пока о материальной выгоде, пользе для человечества мысли, ума, расцвет которых падает на XVIII столетие. Радищев в своем стихотворении на этой точке зрения и остается, не строя оптимистических прогнозов, ибо мысль, облегчив бытие человека, только усугубила, по Ра-

^{29a} См. подробный комментарий В. А. Западова в кн.: *Радищев А. Н.* Стихотворения. Л., 1975 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 263—269.

дищеву, трагедию его духа. В размышлениях Радищева сказывается общий для начала XIX в. кризис просветительских идей в результате французской революции.

Точка зрения Боброва иная, и это начинает обнаруживаться после первых строф стихотворения «Предчувственный отзыв века». Радищев пишет:

Ноци глубокой из недр [возникли] новы металлы. . . —

т. е. «мысль», порождение XVIII столетия, помогла человеку в добыче из недр земли новых полезных ископаемых. В недрах земли Бобров видит не материальные ценности, а обветшавшие, но сохраняющие для людей свое значение плоды человеческой мысли: имея в виду археологические изыскания во время Египетской экспедиции Наполеона, Бобров пишет:

... силой чуждой
Возобновляется *Мемфис*
И манит в тьму своих развалин
Рыть некий драгоценный тлен,
Сокровище умов ветшало. . .

Дальше идеи Радищева и Боброва все более расходятся. В одной из строк Радищева возникает упоминание о Ньюtone. Речь идет о работах гениального англичанина в области изучения света (спектральный анализ, корпускулярная теория света и пр.):

Луч рассечен тобой (т. е. осмнадцатым столетием, — М. А.) света. . .

Для Боброва имя Ньютона становится одним из определяющих в концепции мира. На примере Ньютона Бобров стремится показать всеислие и всеобъемлющность человеческого разума. При этом от практической деятельности на пользу человечества Бобров обращается к возможности познания мира. Мысль велика не потому, что с ее помощью человек покоряет природу, а потому, что ею человек познает окружающий его микро- и макрокосм.

Мудрец не может ли достигнуть
До врат последних естества? —

задает Бобров риторический вопрос. Среди этих «последних врат» названы: судьба, пространство, долгота, движение, вес, мера, число, порядок, сила, красота и, наконец, духов различных жребий, т. е., иначе говоря, речь в этих стихах идет о принципиальной постижимости всех категорий объективного мира. Локковский сенсуализм торжествует здесь над иррационализмом масонского мышления, свойственного поэту в молодые годы.

При этом Бобров подчеркивает невероятную сложность, трудность, даже опасность столь глубокого постижения мира. На этом пути может не выдержать и сам разум, могучий инструмент познания:

Мудрец едва не приближался
К пределам тайным естества;

И вдруг, увы! — как человек,
Нашел себя в ужасной бездне
И в ту ж минуту меж великих
Двух бесконечностей безмерных.

В этих строках речь идет о Ньютоне, перенесшем в 1693 г. психическую болезнь. Бобров показывает, как, постигая бесконечность и протяженность Вселенной в обе стороны — к бесконечно большим и бесконечно малым (имеются, очевидно, в виду системы дифференциального и интегрального исчисления), смущается даже могучий разум:

И самый *ангел воплощенный*,
Невтон — бледнеет изумленный,
Остановляясь меж сих
Двух бесконечностей ужасных,
И ощущает *омак* в духе,
Непостижимый, неисследный.

Однако победное шествие человечества и постижение тайн природы, по Боброву, продолжаютя:

Дух человеческий бессмертен;
Он сроден *вечно* простираться
По тайной *лестнице* до края,
Хоть край — бежит от взоров *вечно*.

И Бобров заканчивает свое стихотворение словами веры в торжество науки и познания. Как Радищев, он вспоминает Петра и Екатерину, но следом за этими именами названы Ньютон, Локк и Ломоносов, именно они-то и важны в общем контексте стихов Боброва. С именами ученых связана мечта Боброва о России как средоточии образованного мира. И стихотворение заканчивается перифразой известных строк Карамзина: «... скоро все народы На север притекут светильник зажигать». Но если у Карамзина речь идет о расцвете поэзии, то Бобров имеет в виду науку:

Другой *Невтон*, и *Локк* другой,
Или другой здесь *Ломоносов*
Торжественной *стопю* ввидут...
А может быть — переселится
Восток и *юг* чудесно в *север*...

На фоне стихотворений, посвященных смене веков и воцарению Александра I, стихи Радищева и Боброва разительно выделяются. При этом они не только написаны на одну тему, но и содержат ряд текстуальных параллелей, каждая из которых в отдельности могла быть случайной, однако собранные вместе эти параллели с большой долей вероятности свидетельствуют о творческой переключке двух писателей. Наше предположение в сильной степени подкрепляется взаимным постоянным вниманием поэтов к творчеству друг друга, а также вполне вероятным их личным общением в пору создания стихотворений.

Сходство этих стихов не ограничивается упоминанием одинаковых фактов. Оба поэта прославляют человеческую мысль как

могучую движущую силу истории, оба выражают надежду на счастливое будущее России. Однако масштаб понимания и восприятия событий мировой истории у Радищева и Боброва несоизмерим. Бобров не понял того нового, что увидел Радищев в трагическом и сложном движении истории, в опыте Великой французской революции. Он целиком остался на просветительских позициях и прошел мимо противоречий революции, обнаживших слабость просветительской мысли.

II. Радищев и „Вольное общество любителей словесности, наук и художеств“

Многие нити связывают Радищева с «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств». В доме писателя бывал и, судя по стихам, написанным на смерть Радищева, был с ним дружен И. П. Пнин, ставший в 1805 г. президентом общества.³⁰ Другой член его И. М. Борн посвятил памяти Радищева большой некролог в стихах и прозе.³¹ В 1803 г. в общество был принят сын писателя Николай Александрович Радищев. При том интересе, который возбуждал к себе покойный автор «Путешествия», можно думать, что его сочинения, в том числе еще не напечатанные, находившиеся в руках сыновей, были известны здесь уже в начале века.

Самым крупным поэтом «Вольного общества...» несомненно был А. Х. Востоков. Мы не будем сколько-нибудь подробно останавливаться на характеристике его поэтической деятельности. Это и не входит в нашу задачу, и давно уже сделано в содержательных работах В. Н. Орлова, хотя некоторые положения исследователя сейчас нуждаются в существенных уточнениях.³²

Важнейшей исторической заслугой Востокова является попытка введения в русскую поэзию многообразных стихотворных размеров. Востоков делает это и на практике, и теоретически обосновывает свои стихотворные эксперименты в «Опыте о русском стихосложении». При этом он прямо опирается на радищевские формулировки в «Путешествии», иногда почти дословно повторяя их, на что уже обращали внимание исследователи.³³

³⁰ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.—Л., 1959, с. 99—101.

³¹ Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. [Л.], 1935 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 175—176, 243—246.

³² Так, невозможно согласиться с трактовкой Востокова как поэта-одиночки, «пошедшего наперерез установившимся традициям», чей путь был «бесперспективным и уединенным» (Орлов В. Востоков. — В кн.: Востоков А. Х. Стихотворения. Л., 1935 (Б-ка поэта. Большая серия), с. 76. Ср. также: Орлов В. Н. Русские просветители 1790—1800-х годов. [М.], 1950, с. 407).

³³ Орлов В. Н. Русские просветители. . ., с. 420—421.

Так, Востоков вслед за Радищевым считает, что, хотя Ломоносов «введением правильных стоп освободил Российскую музу от недостойных цепей прежнего, так называемого *среднего* стихотворства», однако он «стеснил для нее свободный ход эпопеи единообразнейшим из всех стихов, Александрийским с рифмами». ³⁴ (Ср. у Радищева: «Ломоносов уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великаго примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул» — I, 352).

Совпадает отношение Востокова и Радищева к Тредиаковскому, который, с их точки зрения, много сделал как теоретик, но не сумел практически доказать справедливость своих положений. «...дактилохореический экзаметр, по несчастию, с самого начала попался в руки Тредиаковского, который также имел отвагу затевать новое, только не имел вовсе дарования и вкуса к учинению нового своего привлекательным; и потому своею ославленной Тилемахидою ославил и размер, каким она писана, и надолго отвратил от оного публику» ³⁵ (у Радищева в «Памятнике дактилохореическому витязю»: «Тредьяковский разумел очень хорошо, что такое стихосложение <...> писал стихами такими, какими писали греки и римляне, то есть для российского слуха совсем новыми <...> И Тредьяковский не дактилями смешон, но для того, что не имел вкуса; он сделал дактили смешными» — II, 215, 217).

Как и Радищев, Востоков считает рифму вовсе не обязательной для русского стиха и ссылается на высоко ценимого Радищевым Боброва. «Рифма или созвучное окончание <...> не есть необходимо нужное условие в наших метрических или по стопам измеряемых стихах, которые могут очень хорошо быть без рифм, т. е. *белыми стихами*, особливо в сочинениях дидактического и описательного рода, каковы суть поэмы Боброва». ³⁶ (Ср. у Радищева: «Парнасс окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле» — I, 353). Как и Радищев, Востоков стремится выйти за пределы канонических ямбов и хореев. Еще до того как в «Опыте о русском стихосложении» была дана развернутая теория русского стиха, Востоков добивался разнообразия размеров в поэтической практике. Об этом же говорит он в примечании к стихотворению «К Борю»: «Все сии пробы дактилических и иных стихов не для того выставлены, чтоб требовать точного им подражания и хотеть на русском языке именно Сафических, Алцейских, Асклепиадеических, Ферекратийских стихов. Нет, пусть бы это побудило молодых наших поэтов заняться обработанием собственной нашей просодии, не ограничиваясь в одних ямбах и хорях, но испытывая все пути, пользуясь всеми пособиями, ко-

³⁴ Востоков А. X. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817, с. 27.

³⁵ Там же, с. 29.

³⁶ Там же, с. 84—86.

торые предлагает нам Славенорусский язык, благомерный и звучный».³⁷ Ратуя, как и Радищев, за обилие стихотворных размеров в русской поэзии, Востоков в то же время подчеркивает роль старославянского, «славенорусского» языка в формировании поэзии и литературы в целом. Эта точка зрения сближает его взгляды с позицией «Беседы любителей русского слова».

В этой связи представляется важным рассмотреть отношение к творчеству Востокова его современников. Это позволит уточнить и место самого Востокова в литературной жизни начала века, и отношение литературных групп к радищевским идеям, последовательным продолжателем которых был Востоков. В. Н. Орлов писал, что «на признании поэтического дарования Востокова сходились люди самых разных общественных убеждений и литературных вкусов».³⁸ Однако эта точка зрения нуждается в некотором уточнении, поскольку представители разных литературных групп по-разному, с разных позиций воспринимали достоинства стихотворений Востокова.

При этом архаистические устремления Востокова, его ориентация на высокий слог были ясны читателям уже с самого начала. Таков первый известный нам отзыв от 21 ноября 1802 г., принадлежащий в общем далекому от активной литературной жизни академику В. А. Поленову (1776—1851). Прочитав сборник «Вольного общества...» «Свиток муз» (книжка первая, СПб., 1802), Поленов писал: «Лучше всех стихи Ал. Востокова, несмотря на некоторую в них надутость, в них попадаются поэтические картины и прекрасные мысли <...> Востоков обещает нам другого Державина».³⁹ В этом отзыве показательны и «надутость», и сопоставление начинающего поэта с Державиным.

Естественно, что именно из круга шишковистов вскоре после выхода «Опытов» прозвучала похвала Востокову в стихах верного последователя Шишкова А. Палицина, который уделил Востокову едва ли не больше места, чем другим современным писателям, в стихотворном трактате «Послание к Привету» (1807):

Готовится певец нам с летами Востоков:
В нем есть познания, и дар, и вкус, и ум,
И много стихотворных дум...⁴⁰

Вместе с тем Палицин упрекает Востокова за наличие в его стихах иностранных слов и оборотов, в которых, с точки зрения Палицина, сказывается влияние карамзинской школы. Пользуясь цитатой из Сумарокова, Палицин советует Востокову:

³⁷ *Востоков А. Х.* Стихотворения, с. 101—102.

³⁸ *Орлов В. Н.* Русские просветители..., с. 408.

³⁹ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 595, Поленов, ед. хр. 7, «О книгах», л. 66. О В. А. Поленове см.: *Русский биографический словарь*. Т. Плавильщиков-Примо. СПб., 1905, с. 471—473; Пушкин. Письма последних лет (1834—1837). Л., 1969, с. 450—451.

⁴⁰ *Поэты 1790—1810-х гг.*, с. 768.

Вовек отеческим языком не гнушайся
И не вводи в него
Чужого ничего,
Но собственной своей красую украшайся.⁴¹

Сам Шишков уже много позднее, в 1820 г., выдвигая Востокова в члены Российской академии, отметил прежде всего его заслуги в области поэзии.⁴² Вспоминал о своем увлечении «задумчиво-прекрасными» стихами Востокова и близкий к «Беседе» А. С. Стурдза.⁴³

Кюхельбекер, уже с юности шедший непроторенными путями и симпатизировавший архаистам, в своей первой статье проницательно связал творчество Востокова с предшествовавшими исканиями Радищева. Прямо ссылаясь на соответствующие положения Радищева, Кюхельбекер пишет: «Несмотря на усилия Радищева, Нарезного и многих других <...> в нашей поэзии <...> господствовало учение, совершенно основанное на правилах французской литературы. Стихи без рифм не почитались стихами <...> не смели принимать никакой другой меры, кроме ямбической».

И далее Кюхельбекер рассматривает «Опыты лирической поэзии» Востокова как осуществление в какой-то мере теоретических положений Радищева: «...г. Востоков <...> изумил, можно даже сказать, привел в смущение публику; в сей книге увидели многие оды горацевы, переведенные мерою подлинных стихов латинских. Он показал образцы стихов Сафического, Алцейского, Егегического и говорил с восторгом о произведениях германской словесности, дотоле неизвестных или неуважаемых».⁴⁴

Иным было отношение к поэзии Востокова в лагере карамзинистов. Жуковский видел в стихах Востокова человека «с мыслями, с чувством, с воображением», т. е. рассматривал его творчество в рамках карамзинской школы, в которые это творчество в целом никак не вписывалось, и поэтому Жуковский считал, что поэту «надобно <...> очистить слог».⁴⁵ И здесь Жуковский удивительно сошелся с Палициным, который тоже советовал:

И чисти более стихи свои, Востоков...⁴⁶

Очевидно, только объект чистки, с точки зрения шишковиста и

⁴¹ Там же.

⁴² «Стихотворения г. Востокова, а особливо похвальные упражнения его по части исследования отечественного языка, обращают на труды его внимание любителей словесности» (Изв. Российской академии, кн. 9. СПб., 1821, с. 9, Протокол от 5 июня 1820).

⁴³ «...я когда-то страстно любил, изучал и перенимал его стихи задумчиво-прекрасные, в которых дышит истинный лиризм и пленяет читателя классическое разнообразие размеров» (Стурдза А. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I-го. — Москвитин, 1851, ноябрь, № 21, кн. 1, с. 16).

⁴⁴ [Кюхельбекер В. К.] Взгляд на нынешнее состояние русской словесности. — Вестн. Европы, 1817, ч. 95, № 17 и 18, с. 156.

⁴⁵ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 50, см. также: Поэты-радищевцы, с. 409, 474.

⁴⁶ Поэты 1790—1810-х гг., с. 769.

карамзиниста, оказывался абсолютно различным. Вообще карамзинисты постоянно отмечали грубость и шероховатость слога Востокова, не приемля того, что, по Радищеву, как раз и являлось достоинством трудной и сложной философской или политической лирики. Так, А. Тургеневу Востоков казался «заикою»,⁴⁷ в слог Востокова ему виделась «какая-то петровская шероховатость», правда, «уровненная большим вкусом и образованностью нашего времени».⁴⁸ Вяземский, соглашаясь со своим корреспондентом, писал: «... конечно, Востоков поэт, но вовсе не стихотворец», т. е., ценя поэтическую мысль Востокова, он не принял его поэтического языка, его поэтической системы. Поясняя свою мысль, Вяземский далее пишет: «Он как иностранец: мыслит на своем языке божественном, а изъясняется на чужом и часто сбивается в словах».⁴⁹ И много позднее Вяземский подтрунивал над «вовсе не звучными, не стройными и смешными стихами» Востокова:

О какая гармония
В редкий сей ансамбль влита.⁵⁰

Старейшина карамзинистов И. И. Дмитриев хвалил стихи Востокова и в письмах к Д. И. Языкову, и в письмах к самому поэту.⁵¹

Отношение карамзинистов к Востокову особенно ясно отразилось в шутливой полемике между Батюшковым и Вяземским, из которой становится ясно, что и Дмитриев, и Батюшков, признавая талантливость и знания Востокова,⁵² воспринимали его стихи как нечто головное, сложное, искусственное, чуждое истинному вдохновению, той легкости и изяществу, которые превыше всего ценились карамзинистами, и потому близкое тяжеловесной, тугодумной и малопонятной поэзии архаистов-«славнофилов».

В Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде хранится экземпляр «Опытов» Востокова. Возле заглавия стихотворения «К солнцу», которое начинается стихами:

Светило жизни здравствуй!
Я ждал тебя... —

чернилами вписано: «Немецкой ученой сидит в колпаке на кровле, свечка его догорела, другую засветить жаль, а писать

⁴⁷ Намек на физический недостаток поэта.

⁴⁸ Письмо Тургенева Вяземскому от 2 июля 1819. — Остафьевский архив князей Вяземских, т. I. СПб., 1899, с. 258.

⁴⁹ Там же, с. 266.

⁵⁰ [Вяземский П. А.] Старая записная книжка. — Рус. архив, 1874, т. 1, стб. 1337—1341.

⁵¹ См.: Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1893, с. 204—208.

⁵² В «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816) Батюшков говорил об «отличном даровании» Востокова, «напитанного чтением древних и германских писателей», впрочем, в одном панегирическом ряду с Капнистом, Мерзляковым, Жуковским и др. (Батюшков К. П. Соч. М., 1955, с. 383).

надобно — по солнцу явилось на востоке, и немец в восторге, сняв колпак свой сказал:

*Светило жизни здравствуй
Я ждал тебя...».*

(Первые строки стихотворения подчеркнуты теми же чернилами). Игра продолжена на следующей странице, где в конце стихотворения точка исправлена на запятую и добавлено одно слово. Получилось:

Согрей лучем отрады
Скорбящу грудь,
Немца.

Внизу страницы характерным почерком Вяземского написано: «Стыдно Батюшков! Уважай в Востокове Поэта и Поэта, каких у нас мало. Да притом же это не ты сказал, а Дмитриев».⁵³

Как видим, замечание Вяземского вполне согласуется с его отношением к творчеству Востокова и не затрагивает той внешней тяжеловесности, над которой смеются Дмитриев и Батюшков и над которой он сам подтрунивал.

Надпись на книге «Опытов», вероятно, сделана в 1810—1811 гг. Это время сближения Батюшкова с Вяземским (все трое — и Дмитриев, и Батюшков, и Вяземский — жили в Москве). На эту же пору приходится некоторое расхождение с Гнедичем, когда Батюшков окончательно перешел на позиции карамзинизма и в яростной полемике с давним другом защищал «легкое стихотворство».⁵⁴ В 1811 г. произошло официальное открытие «Беседы любителей русского слова» и возобновилась ожесточенная перебранка между «беседчиками» и будущими арзамасцами. В этот период шутливая полемика Дмитриева и Батюшкова с Вяземским приобретает особую актуальность. Востоков в сознании будущих арзамасцев становится выразителем если не совсем враждебных, то во всяком случае чуждых идей.

И приблизительно в это же время, в 1809 г., из лагеря карамзинистов наносится удар по тем литературным идеям, которыми руководствовался Востоков и которые были абсолютно чужды сторонникам «нового слога». Речь идет о рецензии на «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», напечатанной в «Цветнике» за 1809 г.

«Цветник» издавался А. Беницким, который сам был автором большинства рецензий, печатавшихся в этом журнале, и, по всей вероятности, интересующего нас отзыва о сочинениях Радищева. Вместе с Батюшковым Беницкий был наиболее последовательным сторонником Карамзина в рядах «Вольного общества...»,

⁵³ *Востоков А. Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах*, ч. 1. СПб., 1805, с. 55—56. — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР, шифр 1805/47.

⁵⁴ См.: *Гнедич Н. И. Письма к К. Н. Батюшкову*. — В кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 год. Л., 1974, с. 78—79.

и «Цветник» в 1810 г., уже после смерти издателя, но продолжая его традиции, превратился в трибуну карамзинистов.⁵⁵

Беницкий прекрасно понял принципы радищевского творчества и на материале первой части «Собрания оставшихся сочинений...» подверг резкой и последовательной критике его литературную позицию. По всей видимости, Беницкому было известно и «Путешествие из Петербурга в Москву», так как он одно за другим отрицает сформулированные в главе «Тверь» положения. По Беницкому, недостатком Радищева является то, что «все почти у него стихи без рифм <...> без меры и так сказать без слогаударения». Трудность произнесения для критика также отнюдь не достоинство: «Когда начнете их (стихи, — М. А.) читать, то принуждены будете беспрестанно почти запинаться или выговаривать навыворот целые речения». Отмечая, что в стихах Радищева «попадают иногда изрядные мысли и довольно удачные выражения», рецензент формулирует важный общий недостаток радищевской поэзии: «...вообще нет плавности в его стихах». И, наконец, основной упрек Радищеву с позиций карамзинизма заключается в отсутствии единого стиля, в употреблении архаизмов и просторечья: «...в его стихах главнейшая погрешность есть та, что вместе с высокими славенскими словами перемешаны слова простонародные, низкие, которые никогда и в хорошем разговоре не употребляются. Не смешно ли бы было, если бы мы увидели на театре актера <не> в древнем жреческом одеянии, а в мужичьей шапке, в рукавицах и в лаптях? Так же точно смешно видеть после слов: *зане, очи, вежды — потяготу* и *черну немочу*. И то и другое есть в богатырской повести: *Бова Королевич*».⁵⁶

Таким образом, творчество Радищева в литературном отношении оказалось неприемлемым для карамзинистов. В сферу интересов Вяземского имя Радищева попадает лишь позднее, в 1819—1820 гг., когда усиливаются радикальные воззрения Вяземского. При этом Вяземский не заинтересовался литературными взглядами Радищева: его привлекла в первую очередь трагическая судьба писателя-революционера. «У нас обыкновенно человек невидим за писателем, — размышлял Вяземский в письме к Воейкову от 2/14 ноября 1818. — В Радищеве напротив: писатель приходится по плечу, а человек его головою выше».⁵⁷

Литературные взгляды Радищева, таким образом, в начале 1810-х гг. оказались ближе противникам карамзинистов. Некоторые из этих взглядов и прямо, и опосредованно были восприняты «Беседой любителей русского слова». Не случайно и один из самых последовательных продолжателей литературной традиции

⁵⁵ См.: Поэты-радищевцы, с. 654—655.

⁵⁶ Цветник, 1809, ч. 1, № 2, февраль, с. 271—283.

⁵⁷ См.: *Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов.* — Учен. зап. Таргуск. гос. ун-та, 1960, вып. 98, с. 65—66.

Радищева А. Х. Востоков в 1813 г. стал членом-сотрудником «Беседы».⁵⁸

III. Радищев и „Беседа любителей русского слова“

Радищев умер в 1802 г., «Беседа» официально открыла свои заседания в 1811 г. Непосредственного контакта между Радищевым и пишковистами не было. Однако в «Беседу» входили люди, чьи творческие и личные контакты с Радищевым несомненны, и они в какой-то мере могли явиться в «Беседу» проводниками радищевских литературных идей. Таким был, например, А. П. Брежинский, по свидетельству П. А. Радищева, посещавший писателя в последние годы его жизни. Членами «Беседы» были видные деятели «Вольного общества...» А. Х. Востоков и А. А. Писарев, хорошо знакомые с творчеством Радищева.

Однако самым важным было то, что антикарамзинская позиция «Беседы», отталкивание от «гладких» стихов подражателей и последователей Карамзина приводили «беседчиков» к позиции и взглядам, близким к литературным воззрениям Радищева. Его литературная позиция: намеренно архаизированный язык с утяжеленным синтаксисом, теоретическое обоснование этой системы — должна была заинтересовать «беседчиков».

Так, Державин еще в 1790 г. познакомился с «Путешествием» и, каково бы ни было его отношение к личности и идеям автора, надо думать, прочел его достаточно внимательно.⁵⁹ Однако только в 1812 г. он теоретически формулирует принципы создания «трудных стихов» и выполняет эти принципы на практике (стихотворение «Жилище богини Фригии»)⁶⁰

Радищев одним из первых русских писателей откликнулся на находку «Слова о полку Игореве». Его поэма «Песни петые на состязаниях в честь древним славянским божествам» построена на реминисценциях «Слова». Радищев рассматривает древний памятник как торжественную поэму и в соответствующем духе изображает величественное стечение славян к алтарям своих богов. При этом, как и в других своих произведениях, он пользуется арсеналом псевдославянской мифологии Чулкова (Перун, Святovid, Велес, Стрий, Позвизд, Ний и т. д.). Князи и песнопевцы у Радищева «вступают во золотые стремяна», «шествуют стройно на конях своих бодрых», за ними идут «лики юношей и дев», «сонм жен... шествует», «Ветр препнул свое дыхание» и т. д.

⁵⁸ Чтения в «Беседе любителей русского слова», 1813, кн. 13, с. V.

⁵⁹ См.: Западов В. А. Державин и Радищев. (К истории одной легенды). — Изв. АН СССР, Серия литературы и языка, т. XXIV, вып. 6, 1965, с. 530—537.

⁶⁰ См.: Альбишуллер М. Г. Литературно-теоретические взгляды Державина и «Беседа любителей русского слова». — В кн.: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. XVIII век, сб. 8. Л., 1969, с. 107—108.

Такое же торжественно-эпическое понимание «Слова» было свойственно кругу «Беседы». В специальной работе мы говорили о той роли, которую сыграло «Слово» в формировании литературных взглядов «Беседы», деятели которой сразу же после публикации, одними из первых, обратили внимание на этот выдающийся памятник.⁶¹ И здесь позиции Радищева и будущих «беседчиков» сошлись. В этой связи представляется не случайным одинаковое понимание одного из трудных мест «Слова» Радищевым и Шишковым.

Первые издатели памятника поняли рассказ о десяти соколах как метафору и соответствующее место перевели следующим образом: «Памятно нам по древним преданиям, что, поведавая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенным».⁶²

Для Радищева эти строки очень важны, он берет их эпиграфом к поэме: «Тогда пускает 10 соколов на стадо лебедей, которой дотечаше, та преди песнь пояше...», и вся поэма строится как реминисценция этого места «Слова».

С точки зрения Радищева, рассказ о 10 соколах не поэтическая метафора, а изображение подлинных обычаев славян. У каждого из песнопевцев на руке сидит сокол, которого спускают на стадо лебедей. Тот певец имеет право на первую песнь, чей сокол первым сбивает лебедя. «Зане обычай был таков, что сокол, поражающей лебедя, назначал череду в песнопении, и чей был первой, тот первую воспевал песнь, и все другие по чреде своих соколов» (I, 55). Поэма была задумана как песня десяти певцов, принявших участие в состязании (была написана или сохранилась лишь первая песнь — Всегласа).

А. С. Шишков, выпустивший в 1805 г. свой перевод и толкование «Слова», тоже не согласился с переводом Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского. Для него 10 соколов тоже не метафора и тоже состязание для определения первенства: «Из древних преданий известно нам, каким образом славные во бранях князья и полководцы решали состязание свое о преимуществе. Десять мужей выезжали на чистое поле, каждый с соколом на руке, они пускали их на стадо лебединое: чей сокол скорее долетал, тот и первенство одерживал, тому и песнь воспевалася».⁶³

У Радищева певцы сами состязаются своими соколами, у Шишкова состязатели — князья, а соревнование определяет, кому из князей первому воспоят певцы. Впрочем, нужно заме-

⁶¹ *Альтшуллер М. Г.* «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова». — В кн.: Древнерусская литература и русская культура XVIII—XX вв. ТОДРЛ, т. 26. Л., 1971, с. 109—122.

⁶² Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Светославича. М., 1800, с. 3.

⁶³ Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею СПб, 1805, ч. 1, с. 202.

тить, что Радищев сочинял поэму и был свободен в своих ре-
 минисценциях, Шишков же объяснял и переводил древний текст.
 С учетом этого различия толкование темного места «Слова»
 у обоих авторов совпадает. Хотя поэма Радищева была напеча-
 тана лишь в 1807 г., не исключено, что она в рукописи была
 известна Шишкову и при сходстве литературной позиции ока-
 зала известное влияние на перевод и толкование «Слова» Шиш-
 ковым, опубликованные двумя годами раньше и три года спустя
 после смерти Радищева.

Поэма Радищева рассматривает славянскую культуру как
 самостоятельное явление в одном ряду с греческой и кельт-
 ской. Боян Радищева торжественно поет в «горних чертогах
 света» «в беседе Омира и Оссиана». Восприятие «Слова»
 в оссиановском ключе было общим местом литературных пред-
 ставлений начала века. Естественно, что в произведении, напи-
 санном по мотивам «Слова», оссиановские образы были весьма
 уместны. У Радищева эту тематику вносят в поэму кельтские
 племена, о жестоком набеge которых повествует Всеглас. При
 этом перечисление географических названий позволяет Ради-
 щеву показать территориальную близость славян и кельтов и,
 тем самым, описывая борьбу этих племен, говорить о равнопра-
 вии их культур. Названия, взятые у Оссиана (Улин, Тул, Мор-
 вен), соседствуют с русскими (Нева, Ладога):

Уже прошло тому и год и больше,
 Как многолюдные колена Кельтски,
 Сложив свои все силы
 Во ополчение едино

 Чрез Северный Улин, и Тул, и Морвен,
 И острова Гебридски

 До самых тех берегов
 И низких и болотных,
 Где тихая Нева
 Свои глубоки волны
 Из Ладоги влечет.

(I, 61—62)

Возникают в поэме Радищева и гомеровские образы. Так,
 Радищев изображает языческих славянских богов:

Уж Знич со Ладюю в союзе
 Взлегли на одр супружной, одр туманной,
 И тепла мгла в парах прозрачных
 Взлетела и взвилась высоко.

(I, 59)

Сцена эта напоминает опочивание Зевса и Геры на Иде:

Рек, и в объятия сильные Зевс заключает супругу...
 Там опочили они, и одел почивающих облак,
 Пышный, златой, из которого капала светлая влага.⁶⁴

⁶⁴ Илиада, песнь XIV, 356—361.

Изображая певца старца Всегласа, Радищев пишет о нем гекзаметрами, и в сознании читателя невольно возникает образ другого старца — Гомера:

Старец умолк — и, очи поникши, стоял неподвижен,
Будто на казнь осужденной. Протекшие скорби предстали
Живы уму его, силою воображенья.

(I, 66)

Гомер и Оссиан становятся важнейшими литературными фигурами для романтического сознания начала XIX в. Оссиан и был порожден развитием романтизма, а Гомер, в его антиклассическом восприятии противопоставленный Вергилию, становится одним из знамен романтического движения. Творчество Радищева, таким образом, развивалось в русле магистрального течения русской и мировой литератур. Эти же проблемы находили живой отклик и в занятиях «Беседы любителей русского слова».

Интерес к Оссиану в «Бесede» был весьма велик, он сказался в деятельности Державина, Шишкова и других менее крупных членов этого объединения. Оссиан воспринимался здесь как фигура того же масштаба, что и Гомер. А с последним связаны важнейшие эпизоды внутренней жизни «Беседы», имеющие непосредственное отношение к Радищеву.

Как известно, именно в «Бесede» родилась идея перевода «Илиады» «русским гекзаметром». Само возникновение этой идеи связано было с одиозным именем В. К. Трeдиаковского, реабилитация литературной и научной деятельности которого началась в трудах Радищева.

Эта оценка Трeдиаковского совпадает с отношением к осмеиваемому поэту в кругу «Беседы». Многообразные заслуги Трeдиаковского постоянно подчеркивал митрополит Евгений Болховитинов, почетный член «Беседы», постоянный литературный советник Державина. В переписке с Д. И. Хвостовым Евгений неоднократно упоминает Трeдиаковского как учителя «нового русского стихотворства»,⁶⁵ говорит о нем в «Словаре русских светских писателей».⁶⁶

Много внимания уделил Трeдиаковскому Я. И. Галинковский, «непременный секретарь» «Беседы», автор ряда интересных историко-литературных работ, писавший о Трeдиаковском: «Он был <...> первый профессор нашего красноречия, первый знаток древних авторов, человек необыкновенно глубокого знания в науках <...> он один написал более полезных книг, нежели десять его современников».⁶⁷ Как справедливо отметил Ю. М. Лот-

⁶⁵ Сборник статей, читанных в Отд-нии рус. яз. и словесности, 1868, т. V, вып. I (по указателю).

⁶⁶ Евгений [Болховитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. II. М., 1845, с. 210—225.

⁶⁷ Корифей, или Ключ литературы, ч. I. СПб., 1802, с. 68.

ман, взгляды Галинковского в отношении Тредиаковского совпадали с точкой зрения Радищева.⁶⁸

Стихovedческие заслуги Тредиаковского ценит глава «Беседы» А. С. Шишков, называвший «основателями стихотворных сочинений» Кантемира, Тредиаковского и Ломоносова. Шишков сближается с Радищевым, подчеркивая, с одной стороны, ограниченность стихотворной реформы Ломоносова («имея великий дар, но последуя немецким стихотворцам, приучил нас к одним ямба»), а с другой — разнообразие стихотворных размеров, вводимых Тредиаковским («старался нам растолковать латинские хорей, дактили и анапесты»).⁶⁹

С именем Тредиаковского связана также важнейшая литературная дискуссия о русском гекзаметре, развернувшаяся на страницах «Чтений в „Беседе любителей русского слова“». В десятой книжке Галинковский поместил перевод первой эклоги Вергилия, выполненный русским гекзаметром, т. е. тем дактило-хорейским размером, которым написана «Тилемахида». В предисловии к переводу Галинковский, повторяя радищевские оценки, подчеркнул свою зависимость от Тредиаковского, мысль которого «о введении у нас древнего размера не переставала быть великою, прекрасною и достойною внимания наших стихотворцев».⁷⁰

Одним из наиболее значительных эпизодов литературной деятельности «Беседы» была публикация на страницах ее органа гекзаметрического перевода «Илиады», выполненного Н. И. Гнедичем, и разгоревшаяся по этому поводу яростная полемика между С. С. Уваровым и В. В. Капнистом. Свою защиту гекзаметрического перевода Уваров строит на положениях, высказанных Радищевым еще в «Путешествии». Он говорит о той отрицательной роли, которую сыграл пример Ломоносова, закрепившего своим творчеством ямба в качестве едва ли не единственного размера для русской поэзии: «... предрассудок в пользу французских писателей был так силен, что славный Ломоносов, который дал истинное бытие нашей Поэзии, следовал сам общему примеру. Он стал подражать французам и писать эпопею Александрийскими стихами <...> он был увлечен общим преубеждением, и эпоха сия решила судьбу русской поэзии».⁷¹

Как и Радищев, Уваров выступает противником рифмы: «Механизм стопосложения был бы довольно приятен, чтоб приучить ухо к вечной монотонии полустипхи и рифмы <...> Когда, вместо плавного, величественного экзаметра, я слышу скудный и сухой Александрийский стих, рифмою прикрашенный, то мне

⁶⁸ Лотман Ю. М. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1969, с. 242—244.

⁶⁹ Шишков А. С. Разговоры о словесности. — Собр. соч. и переводов, ч. 3. СПб., 1824, с. 44, 47.

⁷⁰ Чтения в «Беседе любителей русского слова», кн. 10. СПб., 1813, с. 121.

⁷¹ Там же, кн. 13, с. 57—58.

кажется, что я вижу божественного Ахиллеса во французском платье». ⁷² Доказательством того, что Уваров не просто сошелся с Радищевым во взглядах, а хорошо знал и помнил рассуждения автора «Путешествия», служит второе письмо, ответ Капнисту, также оубликованное в «Чтениях». Защищая здесь основные положения первого письма, Уваров ссылается на авторитет Радищева и цитирует большой отрывок из главы «Тверь»: «Некто из наших писателей (г. Р. . .), о котором российские музы не без сожаления вспоминают, чувствовал уже необходимость большой перемены в формах нашей поэзии. — И вот как за 20 лет перед сим изъяснялся он об этом предмете». ⁷³ Далее идет обширная цитата из Радищева, содержащая критику ямба, рассуждение о дактилях и о рифме.

Возражая против предложения Капниста переводить Гомера так называемым русским размером, Уваров в то же время считает его подходящим для поэм на сюжеты из русской истории. Можно думать, что, советуя Жуковскому написать русским размером поэму по мотивам отечественной истории, Уваров имел в виду в качестве предшественника Жуковского не только «Илью Муромца» Карамзина, но и радищевского «Бову».

Итак, непосредственно и опосредованно, сознательно и непреднамеренно идеи и поэтическая практика Радищева активно входили в литературную жизнь начала XIX в., вызывая притяжение и отталкивание, признание и полемику. Не всегда поэтические принципы Радищева давали в его собственной практике и у других писателей удачные поэтические результаты. Механическое соединение разных стилистических, языковых стихий порождало тяжеловесные произведения, которые, однако же, не будучи крупными художественными достижениями, тем не менее сыграли определенную роль в истории русской поэзии. ⁷⁴

Несмотря на насильственное отторжение Радищева от литературной жизни, его торжественный, неровный, тяжеловесный, наполненный просторечьем и архаизмами язык, его литературные идеи продолжали питать сознание многих деятелей русской культуры. И «Вольное общество. . .», и «Беседа» явились проводниками радищевских литературных идей в среду поэтов-декабристов. Архаические тенденции Катенина, Федора Глинки, Кюхельбекера и других восходят в какой-то степени, в основном опосредованно, к литературной традиции Радищева.

Деятельность поэтов-декабристов в конце 1810-х — первой половине 1820-х гг. в значительной степени определяла все развитие русской литературы этого периода. Однако поэты-декабристы, их отношение к радищевской традиции, к литературным идеям «Беседы» — уже тема другой специальной работы.

⁷² Там же, с. 62—65.

⁷³ Там же, кн. 17, 1815, с. 58.

⁷⁴ См.: *Макогоненко Г. П.* Поэзия Александра Радищева, с. 71—72.